

ЕВГЕНИЯ ШЕБОЛКИНА (Сыктывкар)

ВИДО-ЗАЛОГОВЫЕ КОРРЕЛЯЦИИ КОМИ ГЛАГОЛА В ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Сигнификативный характер категорий вида и залога предполагает их связь между собой, наличие общих сегментов на пересечении их семантических полей. Это предположение с помощью категорий преобразует первичные представления о ней в понятия. Вполне естественно положение, при котором на разных полюсах одного понятия сосуществуют смысловые блоки, относящиеся к разным уровням иерархической структуры мыслительного содержания, либо когда одно и то же мыслительное содержание какой-либо своей частью входит в состав разнопорядковых понятий.

Видо-залоговые корреляции в коми языке проявляются как уникальные, поскольку узуально упроченных моментов в этом контексте крайне мало, они обозначены лишь пунктирно.

Б. А. Серебренникову (1963 : 315) принадлежит высказывание, что непроницаемых перегородок между видовыми и залоговыми суффиксами нет. Он же, анализируя природу и происхождение коми-зырянского медиума, представленного суффиксом *-сь* в словоформах типа *кульсьыны* 'раздеться', возводит его к видовому суффиксу многократности (Серебренников 1975). Д. Фокош-Фукс посвятил происхождению коми суффикса *-сь* статью (Fokos-Fuchs 1913), в которой перечислил все категории глаголов, имеющих в составе данный суффикс. Это возвратные глаголы: *дзэбсьыны* 'прятаться', медиальные: *кульсьыны* 'раздеться', пассивные: *изсьыны* 'молотья', взаимные: *окасьны* 'целоваться', а также глаголы, обозначающие переход в какое-либо состояние (в терминологии автора данной статьи — глаголы с видовой характеристикой процесса меры): *нальсьыны* 'тупиться'. Все значения суффикса *-сь* автор выводит из значения возвратного залога, или медиума. Б. А. Серебренников отмечает, что взгляды Д. Фокоша-Фукса в этом отношении напоминают взгляды Ф. Видемана, который, рассматривая значения удмуртского суффикса *-с*, предположил, что наличие у них медиального значения создавало впечатление, будто они выражают длительное действие (Серебренников 1963 : 326).

Здесь логичен вопрос о соотношении сохранившейся в ряде финно-угорских языков системы выражения медиальных и соотносимых с ними значений при помощи **-β/-w* и систем качественно иного формального состава в других языках. Почему в них эти значения стали выражаться при помощи некоторых других суффиксов, какие факторы семантического и структурного порядка обусловили подобное перераспределение и закрепление формантов?

Д. Фокош-Фукс справедливо включил в систему значений коми суффикса *-сь* видовое значение процесса меры. Б. А. Серебренников тоже отчасти прав, когда значение *-сь* выводит из видового. Семантический фрагмент, объединяющий их значения, связан с инвариантом состояния: приобретения его, нахождения в нем. Залоговое значение медиума, фиксирующее оттенки субъектной отнесенности процесса, инклюзивности, состояния смыкается в этом фрагменте с видовым значением процесса меры, фиксирующим переход в определенное состояние как результат известных действий.

В схеме, предложенной Е. Куриловичем, $M \rightarrow O \rightarrow N$, где O означает завершение действия, результирующееся в состоянии (Kuryłowicz 1964), находит соответствие выражение процесса меры, обозначаемое одним из видов в коми языке. В современном коми языке залоговые значения медиальности, возвратности, пассивности так или иначе несут в себе и характеристику процесса меры, а глаголы с видовой характеристикой процесса меры (за исключением глаголов с суффиксом *-т*), в свою очередь являются непереходными, замкнутыми сферой субъекта. Пример: *А регыд кодзулӧссис энэжыс* (Г. Юшков) 'Вскоре небо покрылось звездами'. В этом контексте суффикс *-сь* выражает значение вида процесса меры (переход в некое состояние, обретение иной качественно-количественной определенности) и пассивно-возвратное залоговое значение. Аналогичная картина наблюдается в глаголах: *вензьыны* 'заспорить', *коддзыны* 'опьянеть', *кевмыны* 'прийти в экстаз', *нэрдны ~ нэрмыны* 'стать сочным, пойти в зелень', *оньзыны* 'стоять мокрому ниспадающему туману' и т.д., вид процесса меры контаминирует здесь со значением залоговой модели медиума.

Таким образом, можно полагать, что в пермских языках полисемантический суффикс *-сь* вытеснил из употребления древний формант $*-\beta/-w$, который, судя по примерам Л. Ф. Маркиановой, также обладает в своем семантическом поле видовым значением процесса меры. Л. Ф. Маркианова (1985), описывая значение карельских возвратно-транслативных суффиксов *-htu*, *-hu*, *-u*, *-vu*, *-zu*, *-udu*, *-utu*, в которых элемент *-u* восходит к суффиксу прафинно-угорского медиума на $*-\beta/-w$, отмечает, что эти суффиксы обладают еще и оттенками начинательности и неполноты действия. То есть выражение залоговости сопрягается в них с аспектуальной характеристикой. Можно предположить, что в таких коми глаголах, как *ӧзйыны* 'загореться', *пасйыны* 'отметить', *посйыны* 'замостить', *сувйыны* 'очистить от листьев', *тогйыны* 'расторгнуть', *тӧбйыны* 'смотать в моток', формант *-й* связан с формантом $*-\beta/-w$ как его фонетический рефлекс с гипотетическим общим значением изменения меры существования и пассивно-медиальных оттенков действия.

Очень интересно в этом плане наблюдение за функционированием именных суффиксов, генетически родственных ввиду прежней амбивалентной полифункциональности суффиксам глагольным.

В угорских языках с помощью суффикса $*-\beta/-w$ образуются прилагательные со значением 'снабженный чем-либо': хант. *хонев* 'с животом' от *хон* 'живот'. Понятие 'иметь что-либо, находиться в состоянии обладания' во многом коррелирует со значением перфекта — особой формы медиальных глаголов, синтезирующей в своей смысловой структуре понятия состояния и обладания.

И. Дьёрке (1934) большинство рефлексов суффикса $*-\beta/-w$ возводит к праур. $*-p \sim *-\beta$, считая $-\beta$ слабой ступенью от p (Gyöke 1934). В вопросе о представительстве $*-p$ в пермских, мордовских и венгерском языках много неясного. Ученые допускают двоякое толкование происхождения мордов-

ского суффикса *-v/-f*, образующего прилагательные со значением 'снабженный чем-либо' (эрс. *салов* 'солёный'), венг. *-o/-ö, -u/-ü*, пермских: коми *-а* (*гö-на* 'с шерстью'), удм. *-о* с аналогичным значением, с одной стороны, возводя все эти рефлексy к ф. -у. **-р*, а с другой — к возможным исходным финно-угорским суффиксам **-т*, **-к*, **-п*. Однако мотив «состояния, связанного с обладанием», присутствующий во всех примерах, позволяет увязать формант **-р* с соответствующими маркерами медиального континуума, допускающая возможность изменения, «перетекания» значения этого знака в истории языка под воздействием внутри- или внеязыковых факторов.

А. П. Дульзон (1971), рассматривая отражение древних глагольных форм состояния в урало-алтайских языках, определяет в презенсной основе отрицательных глаголов вокальный элемент *-и*, представляющий форму состояния. Аффикс *-и*, по его мнению, связан с глаголом бытия, восходящим к слову 'здесь, тут'. Возможно, эти фонетические варианты каким-то образом (ср. теорию «выделения») связаны с упомянутым **-β/-w*, имеющим медиально-пассивно-возвратное значение. Маркерами аффектива являются форманты *-сь* и *-од/-т*, генетическая связь которых с медиумом несомненна; фактором, говорящим в пользу такого предположения, является репрезентация этими же суффиксами вида процесса меры, соотносимого с выражением инвариантного медиального значения состояния во всех его ипостасях. Пример: *Таысь Васькалён юрыс быдён летмуні, сэтшöма нюкыртöдліс сійöс виччысь-тöм шогысла* (Г. Юшков) 'От этого даже поникла голова Васьки, так согнуло его от неожиданного несчастья'. Суффикс *-т* в данном примере репрезентирует аффективную залоговую конструкцию и видовую характеристику процесса обращения субъекта в иное состояние. Аналогичные функции выполняет суффикс *-сь* в следующем примере: *Колхозö ыджыдён эз нин пексьы, котравсьöма пö нин менам* (Г. Юшков) 'Начальником колхоза стать отказался, мол, отбегалось (букв.) уже у меня'.

Не менее интересными представляются связи каузатива с медиумом и видом в финно-угорских языках.

При помощи прафинно-угорского форманта **-tt* в современных финно-угорских языках образуются глаголы, передающие как залоговые, так и видовые значения. И в этом фрагменте интегрирующим началом выступает действие, исходящее от агенса и результирующее объект (пациенс) в определенное состояние. Пример: *гудыртны ва* 'мутить воду'. Общее значение суффикса *-т* — каузировать состояние 'быть мутным', изменив предшествующую меру бытия объекта. Качественно-количественная определенность объекта изменяется в результате активных действий субъекта. Здесь наблюдается смысловое сопоставление с изменением меры бытия самого субъекта *измыны* 'камень', но последние глаголы обладают медиальным значением — действие замкнуто сферой субъекта, последний — одновременно и ведущий и ведомый, что же касается глаголов с каузативным значением, то здесь роли ведущего и ведомого расходятся: субъект действия — каузатор — ведущий своими действиями изменяет меру бытия объекта — каузируемого — ведомого, обращая его в некое состояние, меняя его местоположение. Во фрагменте, связанном с выражением состояния, обнаруживается тесная взаимосвязь между медиумом и перфектом.

Перфект — видо-временная форма, которая, по Э. Бенвенисту (1974), передает понятие состояния, соединенное с понятием обладания; в перфекте действующее лицо предстает как обладатель осуществленного действия, действие результировано в состоянии. Перфект обозначает состояние, установив-

шееся в результате предшествовавшего ему действия. Его объединяет с медиопассивом интранзитивность, выражение состояния (Kuryłowicz 1964 : 61—63).

В коми языке в отдельное т.н. неочевидное оформилось прошедшее время, семантика которого заключается в том, что говорящий сам не был участником событий, а может судить о них только по результатам, косвенным путем. В структуре суффиксов, маркирующих эту глагольную форму, присутствует элемент *-m*, например: *potšöc pöröma* 'забор упал (оказывается)'

Б. А. Серебренников считает, что неочевидное прошедшее время представляет собой чистейший перфект, выражающий законченное действие, результат которого существует в настоящее время. При этом он обращает внимание на тот факт, что перфект в современном коми языке употребляется или в роли чистого перфекта, или для выражения модального значения неочевидности действия. Связано это с природой перфекта, выражающего, с одной стороны, действие, завершившееся в какой-то момент прошлого, и указывающего, с другой стороны, на результат этого действия. Поэтому в сознании говорящего возникает возможность аспекттивного переключения то на факт совершения действия в прошлом, то на факт наличия его результата в настоящем (Серебренников 1960 : 59).

«Панхроническое» структурное преобразование — глагол состояния > перфект > неопределенное прошедшее (Курилович 1965) — можно подтвердить на материале коми языка.

Если проследить историю глаголов 'быть' и 'иметь' в финно-угорских языках, обнаруживается следующая картина: коми *эм* 'есть, имеется'; фин. *on* < *ot*; вепс. *ota*; лив. *ittt*; саам. *oabte*; морд. *улемс*; доперм. **штэ* (КЭСК 332). Во всех примерах присутствует элемент *-m*, входящий в структуру глаголов состояния. Глаголы 'быть' и 'иметь' обозначают состояние, но не одно и то же: 'быть' — состояние существующего, того, кто сам что-то есть, 'иметь' — состояние имеющего, того, у кого что-то есть. К значению этих глаголов и к их связи с перфектом мы еще вернемся, пока же обратимся к происхождению *-m*-овых формантов в финно-угорских языках.

Глаголы, образуемые при помощи суффикса **-m*, выражают обычно переход из одного состояния в другое (Основы 368). Это значение суффикса входит в грамему вида, выражающего процесс меры. Кроме того, финно-угорский формант **-m* в ряде финно-угорских языков стал продуктивным суффиксом различных инфинитных форм.

По всей видимости, фактор звукового символизма (гипотетически можно даже предположить секретивную природу форманта **-m*, выделенного у группы глаголов с определенным значением) при определяющем факторе сходства значений сыграл свою роль в том, что **-m*-овый элемент глагола состояния, **-m*-овый видовой суффикс, выражающий переход в иное состояние, ассоциировались и стали участвовать в преобразовании исходных значений инфинитных форм, отглагольных имен, наречий. Б. А. Серебренников, к примеру, отмечает, что в семантике пермских причастий на *-öm*, *-эм* есть оттенок значения результативности действия: *карысь локтöм морт* 'человек, приехавший из города' (Серебренников 1963 : 258). Налицо перфектное обозначение субъекта, как обладателя осуществленного действия.

Таким образом, горизонталь — глагол состояния > перфект > неопределенное прошедшее — имеет место в коми языке, соответствуя аналогичным структурным преобразованиям в других языках.

Возможно, по той же схеме развился мордовский *-л*-овый показатель вто-

рого (продленного) прошедшего времени. Д. В. Бубрих (1953 : 257), Б. А. Серебренников (1967 : 158) полагали, что этот формант происходит от глагола *улемс* 'быть'.

Возможно также, что есть некоторая связь между нынешним показателем *-л* вида дистрибутивного предела и вида темпорального предела и глаголами состояния. Ср. коми *лонь* 'быть, стать', мар. *лияш* то же, фин. *lie-*, саам. *læt*, венг. *lev-*, доперм. **lē* 'быть' (КЭСК 161). В прафинно-угорском языке суффикс *-л* употреблялся особенно часто для выражения длительно-повторного действия (в отглагольном словообразовании), современные рефлекс-ы суффикса *-л* по отыменному словообразованию выявляются в значениях: 'делаться чем-либо, каким-либо, кем-либо', 'снабжаться чем-либо' (Основы 367). То есть фрагментом, сближавшим и разводившим значения *-л* как видового и как залогового, вполне мог быть фрагмент, связанный с обозначением состояния, определенного времени пребывания в нем. На основе принципа избирательности, в результате логических операций сравнения, дифференциации, категоризации в мышлении человека могло произойти разведение понятий временной ограниченности, ее кратности и пребывания в состоянии, в некоторых моментах связанном с обладанием.

Возвращаясь к значению глаголов 'быть' и 'иметь', отметим, что глагол 'иметь' используется многими языками в оборотах, передающих субъектное состояние, ср. фин. *minun on kiire* 'я спешу'. Если к этому глаголу присоединить причастие, образуется транзитивный перфект: коми *менам лои помалёма уджос* 'у меня закончилась (имеется законченной) работа'. Если к глаголу 'быть' присоединить причастие, образуется пассивная конструкция: коми *ме лои вётлёма* 'меня выгнали', что дало право П. И. Савваитову (1850 : 52) использовать ее в качестве иллюстрации страдательного залога. И здесь силен перфектный момент: субъект — аффицированный носитель состояния, возникшего в результате известных действий. Итак, видо-залоговые корреляции связаны с фрагментом выражения состояния характеризуемого субъекта.

Теснейшая связь всех залоговых форм с медиум, пересечение залога и вида во фрагменте обозначения состояния, общность происхождения видового и перфектного форманта *-м*, и аналогичная связь между видовым и каузативным *-т*, некоторые семантические нюансы видового и залогового *-сь* — все это, безусловно, подтверждает общность происхождения видовых и залоговых значений, а также ряд типологически отмеченных структурных преобразований.

ЛИТЕРАТУРА

- Бенвенист Э. 1974, Общая лингвистика, Москва.
 Бубрих Д. В. 1953, Историческая грамматика эрзянского языка, Саранск.
 Дultzон А. П. 1971, Отражение древних глагольных форм состояния в урало-алтайских языках. — ВЯ, № 1.
 Курилович Е. О. 1965, О методах внутренней реконструкции. — Новое в лингвистике IV, Москва.
 Маркианова Л. Ф. 1985, Глагольное словообразование в карельском языке, Петрозаводск.
 Основы финно-угорского языкознания, Москва 1974 (= Основы).
 Савваитов П. И. 1850, Грамматика зырянского языка, Санкт-Петербург.
 Серебренников Б. А. 1960, Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп, Москва.

- 1963, Историческая морфология пермских языков, Москва.
— 1967, Историческая морфология мордовских языков, Москва.
— 1975, Об общезыковедческих аспектах коми-зырянского медиума. — Симпозиум по финно-угорскому языкознанию, Хельсинки.
F o k o s - F u c h s, D. R. 1913—1914, Die reflexiven Zeitwörter des Syrjänischen. — KSZ XII, Budapest.
G y ö r k e, J. 1934, Die Wortbildungslehre des Uralischen (Primäre Bildungssuffixe), Tartu.
K u r y ł o w i c z, J. 1964, The Inflectional Categories of Indo-European, Heidelberg.

JEVGENIJA ŠEBOLKINA (Syktyvkar)

DIE KORRELATION ZWISCHEN ASPEKT UND AKTIONSFORM IN DER KOMI-SPRACHE AUS HISTORISCHER SICHT

Die engen Beziehungen und die Überlappung von Aktionsform und Aspekt beim Ausdrücken des Zustandes, die Gemeinsamkeit im Ursprung des Formanten *-m* des Aspekts und Perfekts, die analogen Beziehungen von *-t* des Aspekts und Kausativs und einige semantische Nuancen von *-cb* des Aspekts und der Aktionsform — dies alles zusammen weist auf Gemeinsamkeiten im Ursprung der Bedeutungen des Aspekts und der Aktionsform hin.